

УДК 811.161.1

Дмитриев Д.В.

Московский государственный областной университет

**ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ В ПРОЗЕ А.А. ФЕТА**

D. Dmitriyev

Moscow State Regional University

**LIXICO-PHRASEOLOGICAL MEANS OF EXPRESSION OF PHILOSOPHICAL
VIEWS IN A. FET'S PROSE**

Аннотация. В статье рассматривается выражение философских взглядов А.А. Фета и понимания им творчества и искусства в его прозаическом наследии на примере использования языковых средств, в частности средств номинации и предикации. Для анализа берётся, в основном, нехудожественная проза (письма, мемуары, критические статьи). Рассматривается связь философских взглядов Фета с философией А. Шопенгауэра. Особое внимание уделяется такой номинации, как *красота* и предикату *истинный*. Также анализируется использование метафор и других художественно-выразительных средств.

Ключевые слова: номинация, предикация, философские взгляды, красота, творчество.

Abstract. This paper deals with the expression of Fet's philosophical views and his interpretation of creative work and art in his prose on the example of the usage of linguistic means particularly nomination and predication. The author analyses mostly non-fiction writings (letters, memoirs, critiques). The connection of Fet's philosophical views with Schopenhauer's philosophy is also considered in the article. Special attention is paid to the nomination «красота» and the predicate «истинный». The author also examines the use of metaphors and others stylistic expressive means.

Key words: nomination, predication, philosophical views, beauty, creative work.

Лексико-фразеологическими средствами выражения философской концепции в творчестве А.А. Фета, по нашим наблюдениям, служат определённые, отобранные автором ради решения художественно-эстетических задач единицы номинации и предикации, такие, как *красота, гармония, истина, бытие; истинный (истинна), правый (права)*.

Рассмотрим, как в лингвистической науке определяются актуальные для данной статьи понятия. «Номинация в любом аспекте ее лингвистической интерпретации может быть определена как реализация способности языковой единицы именовать фрагменты действительности» [2, с. 46]. Также мы принимаем определение предикации, основанное на исследованиях современных лингвистов и отражённое в работах В.В. Леденёвой: «Предикация – важнейший ментальный акт, благодаря которому осуществляется реализация коммуникативно-эстетических, творческих установок языковой личности, детерминируется та или иная позиция, эксплицируется отношение» [3, с. 368]. Исследуя роль средств номинации и предикации в прозаических текстах Фета, попытаемся установить его авторскую позицию в вышеуказанных произведениях как части сверттекста его творческого наследия.

Важнейшие вопросы, затронутые А.А. Фетом в прозе, – это связь музыки и поэзии, сущность поэзии, роль истины в поэзии, феномен красоты и его выражение в искусстве, ведущая роль мировой воли в мироздании. В критической статье «Два письма о значении

древних языков в нашем воспитании» он так раскрывает неразрывную связь поэзии и музыки: «Слова: поэзия – язык богов – не пустая гипербола, а выражают ясное понимание сущности дела. Поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны. Все вековые поэтические произведения от пророков до Гёте и Пушкина включительно – в сущности – музыкальные произведения – песни. Все эти гении глубокого ясновидения подступали к истине не со стороны науки, не со стороны анализа, а со стороны красоты, со стороны гармонии. Гармония также истинна. Там, где разрушается гармония, – разрушается и бытие, а с ним и его истина» [7, с. 407]. Связь поэзии и музыки раскрывается через такие лексемы в роли предиката, как (не) гипербола, родственный, нераздельный, истинный, введённые в текст в соответствующих формах.

Фет придаёт такому художественному приёму, как гипербола («Гипербола I ж 1. Художественно-стилистический приём, заключающийся в чрезмерном преувеличении каких-либо качеств или свойств изображаемого предмета, явления и т.п. с целью усиления впечатления» [1]), свойство выражать суть явлений. Главным критерием поэтического творчества Фет считает красоту: красота непосредственно связана с чувством, непостижима умом-рацио, но доступна пониманию умом сердца (см.: «Красота 2. Всё красивое, прекрасное») [1]. В данном контексте красота синонимична понятию гармония («Гармония I ж. 1. Взаимное соответствие, согласованность в сочетании чего-либо: явлений, предметов, качеств и т. п. 3. Одно из важнейших выразительных средств музыки, основанное на объединении звуков в созвучия и на взаимосвязи в последовательности таких созвучий») [1]. Данное слово используется как в 1-м, обобщённом значении, так в и 3-м, характеризующем сущность музыки, то есть как предикат. Таким образом, выражается связь поэзии с музыкой в авторском понимании творчества. Постичь истину с помощью красоты могут только гении.

Важнейшим свойством художественного произведения, как указывает фетовский текст, является приверженность истине («Истина II 1) То, что существует в действительности, соответствует действительности») [1].

В авторской концепции истина неразрывно связана с такими понятиями, как красота и гармония, на что указывает контекстуальная связь номинаций этих понятий. «Все эти гении глубокого ясновидения подступали к истине не со стороны науки, не со стороны анализа, а со стороны красоты, со стороны гармонии». Следовательно, по Фету, без гармонии и красоты не может существовать и бытие («Бытие I ср. быти'е Объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания человека (в философии)» [1], то есть жизнь.

В статье «Ответ «Новому времени» А.А. Фет выразил своё понимание ценности поэтического творчества: «Реальность песни заключается не в истине высказанных мыслей, а в истине выраженного чувства. Если песня бьёт по сердечной струне слушателя, то она истинна и права» [7, с. 417]. Ключевым в трактовке авторского мнения мы считаем акцентированное повтором как носитель важнейшей оценки слово истина.

Рассмотрим, как эти идеи автора реализуются с помощью языковых средств. Слово истина составляет сущность предиката. В данном фетовском контексте оно реализовано во 2-м значении. В контексте противопоставляются такие философские понятия, как мысль («2) Результат процесса мышления в форме суждения или понятия») и чувство («1) Способность живого существа ощущать, воспринимать окружающий мир, внешние воздействия») [1], оформленные соответствующими лексемами.

Поэт подчёркивает, что истинная природа поэзии не рациональная и рассудочная, а иррациональная, передающая чувства от создателя к читателю. Идея 'существования' выражена номинацией реальность в 1-м значении («1. отвл. сущ. по прил. реальный 1.,

2., 3. 2. Объективно существующая действительность») [1]. Идея же творчества, поэзии выражена номинацией *песня*.

Номинация *песня* («2. Поэтическое произведение (обычно лирического характера)») [1] выступает как обобщённое наименование поэтического произведения. Слово *песня* является метафорическим наименованием творчества. Во втором предложении значение 'оказывать воздействие на слушателя' выражено метафорой *бить по сердечной струне*. Поэтическая метафора *струна* (в переносном значении – 'струны души'), передаёт сравнение *души* с музыкальным инструментом, возможно, традиционно символически отождествляется с лирой. Метафора оказалась возможной для образно-философского прочтения только при наличии образного эпитета – *сердечная* («Сердечный – 2. *перен.* Связанный с чувствами, настроениями, переживаниями человека» [1], т. е. 'душевный'), то есть при сочетании средства предикации (выполняющего функцию эпитета-прилагательного) и средства номинации характеризуемого предмета поэтического описания – *душа*.

Утверждение выражено краткими прилагательными *истинна* и *права*. Вышеуказанная конструкция с введением слов-характеризаторов *истинна* и *права* используется автором для выражения значения *качественного состояния*, то есть доминирующего признака субъекта.

В эпистолярном наследии А.А. Фета идея *истины* репрезентируется через идею *красоты*. Здесь красной нитью проходит мысль о вечности красоты. С этой идеей неразрывно, подчеркнём, связана идея творчества в целом. В одном из писем к К.Р. А.А. Фет писал: «Лирическое стихотворение подобно розовому шипку: чем туже свернуто, тем больше носит в себе красоты и аромата» [7, с. 418]. Стихотворение сравнивается с розовым шипком («Устар. шипок I Бутон, цветок розы») [1], то есть с цветком розы. Данная номинация используется как поэтический символ для выражения мысли автора об идеале искус-

ства, так как роза является традиционным символом красоты. Метафорическое представление творчества в виде туго свернутого розового шипка говорит о мощи искусства, во имя которого нужно приложить большие усилия, и о его красоте.

В письмах А.А. Фета представлены также его эстетические взгляды. В частности, в посланиях к С.А. Толстой. В одном из писем Фет так писал о феномене *красоты*: «Живая красавица или отвлечённая Муза инстинктивно отстраняют свой ум, выдвигаясь исключительно своей непосредственной красотой. Той и другой не нужно ничего доказывать, а стоит только войти, и всё кругом засияет» [7, с. 447-448]. Сравниваются такие понятия, характерные для мира поэзии, как 'вочеловеченное воплощение красоты' *красавица* (обычно это воспеваемое живое и милое сердцу существо) и 'идеальное её воплощение' – *муза* (одухотворение, одухотворяющая сила как часть красоты, конечно, для поэзии). Так как поэтическое вдохновение представляется традиционно в образе красивой женщины [см.: 5, с. 317]. В авторском понимании *красавица* – воплощение реальной красоты, а *муза* – воплощение красоты в творчестве. Но оба эти понятия сливаются в контекстах А. Фета, выражая одно более широкое, концептуальное – «красота», о чём свидетельствует данный отрывок. Хотя во втором его предложении (сложносочинённом) части представлены двумя безличными и двусоставным предложениями (последнее с обобщённым деятелем *всё*) и превалирующие количественно конструкции, с точки зрения грамматики, выражают безличность, но, тем не менее, содержание фразы говорит, что эти действия относятся к двум субъектам – и *музе* и *красавице* – и носят совместный характер, на что указывают местоимение *та* и прилагательное *другая* в коллокации *та и другая* («отстраняют свой ум»; «той и другой» «не нужно ничего доказывать», «стоит только войти»), оформляющие идею совокупности.

В другом письме Фет приводит пример, в котором отражена его философская концепция, основанная на философии Шопенгауэра

(на наш взгляд, это понятно из текста): «Когда в настоящее время овес начинает пускать чуть заметную ниточку, или новорожденный начнёт не умолкая пищать, то совершенно неточно сказать: овёс *думает* прорасти, а новорожденный – пососать. Если же в обоих случаях сказать: *хочет*, то будет совершенно правильно и понятно. Если мы в целом мироздании, куда бы ни обратились, везде находим это неизменное хотение (волю), которое только в животном мире, по мере возрастающих потребностей, мало-помалу вооружается умом, венчающимся у человека способностью отвлечения (разумом), то каким же образом можем мы этот исключительный, не в пример всему остальному костыль, выданный на потребу самому беспомощному животному, принять за самую основу всего мироздания, которое, если бы завтра все люди исчезли с их разумом (подобно тому, как они не существовали рядом с ихтиозаврами), продолжало бы процветать ещё лучше, чем при человеке» [7, с. 450-451]. В приведённом отрывке противопоставляются такие понятия, как *воля* и *разум*. См. *воля*: «3. Желание, требование» [1]. Ср.: «Разум I м. 1. Высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания» [1]. При этом *разум* сравнивается с *костылем* («Костыль I м.1. Высокая палка с поперечинами наверху и на уровне кисти руки, закладываемая под мышку и служащая опорой при ходьбе для человека без ноги или с больными ногами») [1], т. е. некоей поддержкой. В этом письме графине Софье Толстой Фет с помощью удачной иллюстрации выразил основную идею философии Шопенгауэра о ведущей роли *мировой воли* в мироздании и о ее приоритете над разумом.

Для автора главный вопрос его философских размышлений состоит в том, что составляет сущность мироздания («Мироздание – ср. Вселенная в её совокупности; система мироздания как целое; мир I 1») [1]. Фет принимает мысль Шопенгауэра о ведущем значении в мироздании *мировой воли*, которая

проявляется у всех живых существ и выше человеческого разума.

Программным в плане эстетической концепции А.А. Фета является рассказ «Кактус». Подтверждение этому находим у Л.М. Лотман: «Между тем строфа о цветении «заветных» цветов связывает это стихотворение с поздним рассказом Фета «Кактус», где поэт в прямой, декларативной форме выражает мысль об особом значении редких, исключительных моментов жизни природы, о глубоком смысле момента цветения» [4, с. 432]. Символом красоты в рассказе является белоснежный цветок кактуса.

Фет высказывает свою излюбленную мысль о вечности красоты: «И они [цыгане] верили в красоту и потому ее и знали. Но ведь красота-то вечна. Чувство ее – наше природное качество» [7, с. 395]. Мысль автора выражена предикатом *вечна* («Вечный I прил. 1. Бесконечный во времени (о существовании материального мира)») [1]). Фет вновь утверждает мысль о существовании и ценности чувства («Чувство I ср. 1. Способность живого существа воспринимать внешние впечатления») [1] красоты.

В рассказе «Кактус» Фет напрямую высказывает свою эстетическую позицию: «Напрасно вы проводите такую резкую черту между чувством любви и чувством эстетическим, хотя бы музыкальным. Если чувство вообще недалеко от любви (эроса), то музыка, как самое между искусствами непосредственное, к ней всех ближе» [7, с. 396-397]. Ключевой номинацией в этом высказывании является чувство, преподносимое как 'любовь' и связанное с музыкальностью как чувственным началом.

Главная мысль автора – о неразрывной связи красоты, любви и музыки. Для него это представляется как своеобразное триединство, составляющее суть истины и смысла бытия. Именно это и должно воспевать искусство, побуждать стремление к идеалу.

Как видим, в прозаических текстах А.А. Фета его эстетические взгляды как философская основа творчества в целом часто

выражены с помощью образных метафор: *сердечная струна, шипок розы, язык богов, красавица*, которые являются определением поэтического творчества; непосредственно используется номинация, являющаяся главной для автора и определяющая весь смысл его творчества, имя концепта – *красота*. Эти слова в контексте проявляют себя и как единицы предикатной лексики благодаря оценочному компоненту значения, актуализируемому автором.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой современный толковый словарь русского языка / Ефремова Т.Ф. – URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>. (Дата обращения: 11.08.2011).
2. Кочеткова Т.И. Словоупотребление как средство номинации и предикации в современном русском языке: Монография. – Оренбург, 2004. – 228 с.
3. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: Средства номинации и предикации: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 481 с.
4. Лотман М. История русской литературы. Т. III. Расцвет реализма. – Л.: Наука, 1982. – 852 с.
5. Павлович Н.В. Язык образов. – М.: «Азбуковник», 2004. – 528 с. Издание 2-е, исправленное и дополненное.
6. Фет А.А. «Был чудный майский день в Москве...»: Стихи. Поэмы. Страницы прозы и воспоминаний. Письма / Сост.: А.Е. Тарханов и Г.Д. Аслановой; Вступит. Статья А.Е. Тархова; Примеч. Г.Д. Аслановой. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 400 с.
7. Фет А.А. Поэзия. Проза. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 667 с.